

Монастыри.

Монашество. Вмѣстѣ съ христіанствомъ перешло къ намъ изъ Греціи и монашество. Явились люди, которые пожелали удалиться отъ мірской суеты, всецѣло посвятить себя на служеніе Богу. Уже въ княженіе Ярослава въ Кіевѣ встрѣчаемъ нѣсколько монастырей. Во времена Владимира, вслѣдъ за русскими послами, торговцами и военными людьми, начали отправляться въ Грецію и тѣ лица, которыя желали посѣтить святыя мѣста, поклониться мощамъ угодниковъ. Нѣкоторые пробирались далѣе въ страну, гдѣ жилъ, училъ и страдалъ Спаситель — въ Палестину. Возникло русское паломничество. Одинъ изъ такихъ паломниковъ — игуменъ Даніиль, ходившій въ Іерусалимъ въ началѣ XII вѣка, оставилъ описаніе своего путешествія. Въ немъ онъ, между прочимъ, съ искреннимъ чувствомъ и любовью къ отчизнѣ рассказываетъ, какъ, получивъ дозволеніе поставить кадило на гробѣ Господнемъ, пошелъ на торгъ, купилъ «большое стеклянное» кадило (лампаду), налилъ его деревяннымъ масломъ, «чистымъ, безъ воды», и поставилъ въ ногахъ гроба — за всѣхъ князей русскихъ, за всю русскую землю, за всѣхъ христіанъ русской земли. «Никогда я не

забывалъ ихъ, но всегда помнилъ въ молитвахъ», говоритъ Даниилъ.

Возвращаясь на родину, паломники приносили разказы о греческихъ монастыряхъ, о святости ихъ подвижниковъ. Суровая жизнь аеонскихъ монаховъ особенно привлекала русскихъ людей. Аѳонъ скоро сдѣлался предметомъ подражанія для тѣхъ, которые были одушевлены горячею вѣрою и жаждою подвиговъ во имя Христа. Этихъ людей не удовлетворяли русскіе монастыри, основанные князьями и греками, щедро надѣленные отъ князей имѣніями и разными льготами,—словомъ, въ такихъ монастыряхъ монахи всѣмъ были обезпечены, ни въ чемъ не имѣли нужды. И эти монастыри не сдѣлались разсадникомъ русскаго иночества, пока не возникла Кіево-Печерская обитель. Она основана подвижниками, вышедшими изъ среды русскаго народа — Антоніемъ и Феодосіемъ.

Св. Антоній и Феодосій. Св. Антоній былъ родомъ изъ города Любеча. Онъ рано почувствовалъ призваніе къ подвижнической жизни и отправился на Аѳонъ и здѣсь постригся въ монахи. При Ярославѣ Мудромъ онъ возвратился въ свою отечество, обошелъ всѣ кіевскіе монастыри, но ни одинъ не полюбилися ему. Онъ искалъ строгаго уединенія и поселился на берегу Дибра, посреди холмовъ, поросшихъ лѣсомъ, въ небольшой пещерѣ. Эту пещеру ископалъ себѣ священникъ села Верстова Иларіонъ; онъ часто приходилъ сюда и тайно молился. Ярославъ любилъ и почиталъ Иларіона и поставилъ его митрополитомъ кіевскимъ (онъ былъ первымъ митрополитомъ изъ русскихъ). Въ осиротѣвшей пещерѣ и поселился Антоній. Быстро разнеслась молва о строгомъ подвижникѣ, и къ нему стали стекаться народъ, чтобы получить благословеніе. Явились и такіе, которые, желая подражать ему, вырыли себѣ пещеры и получили отъ него постриженіе.

Сынъ одного знатнаго боярина рѣшилъ оставить отцовскій домъ, жену, почести и поселиться съ Антоніемъ и братіей. Однажды молодой бояринъ пріѣхалъ на конѣ въ богатой одеждѣ, окруженный конными отроками; передъ нимъ вели другого коня въ блестящей сбруѣ. Инокъ вы-

шли изъ пещеръ и поклонились ему, какъ подобаеть вельможѣ. Онъ отвѣчалъ имъ земнымъ поклономъ; потомъ снялъ съ себя боярскую одежду и положилъ передъ Антоніемъ; поставилъ передъ нимъ коней своихъ и сказалъ, что всю эту мірскую прелесть отдаетъ на его волю, а самъ хочетъ быть монахомъ и жить въ пещерѣ. Святой старецъ говорилъ ему о гнѣвѣ, который постигнетъ его отъ отца — юноша остался вѣренъ своему рѣшенію. Его постригли и нарекли Варлаамомъ.

Когда число братій умножилось, Антоній, любя уединеніе, поставилъ игуменемъ Варлаама, а самъ затворился въ своей пещерѣ. При Варлаамѣ иноки построили деревянный храмъ во имя Успенія Богородицы. По просьбѣ Антонія, князь Изяславъ (сынъ Ярослава) далъ имъ гору, которая находилась надъ пещерами. Тогда монахи выстроили большую деревянную церковь, подлѣ нея монашескія кельи, и все это окружили тыномъ или оградой. Тѣмъ не менѣе, монастырь сохранилъ за собою названіе Печерскаго по памяти, что ранѣе монахи жили въ пещерахъ. Варлаама скоро перевели въ новый монастырь. Тогда печерская братія обратилась къ Антонію съ просьбою поставить ей другого игумена, и Антоній поставилъ Θεодосія, который и явился настоящимъ устройтелемъ Печерской обители.

Θеодосій былъ родомъ изъ-подъ Курска. Съ юности не любилъ онъ ни свѣтскихъ боярскихъ одеждъ, ни пышности, ни богатства, ни роскошныхъ пировъ. Поэтому онъ тайно покинулъ родительскій домъ и ушелъ въ Кіевъ. Здѣсь онъ обошелъ нѣсколько монастырей, но ни въ одномъ не былъ принятъ по своей бѣдности. Наконецъ пришелъ въ пещеру Антонія. «Чудо,— сказалъ Антоній юношѣ, просившему принять его въ пещеру,— видишь пещеру мою: она трудна для жизни. Ты молодъ, не вытерпишь». Θεодосій отвѣчалъ: «Самъ Богъ привелъ меня къ твоей святынѣ; буду дѣлать все, что ты мнѣ велишь». Антоній принялъ его. Θεодосій ревностно предался молитвѣ и трудамъ. Онъ ввелъ правила или уставъ монастырской жизни. За образецъ онъ взялъ Студійскій монастырь на Аѳонѣ, который служилъ примѣромъ иночества. Студійскій уставъ

требовалъ отъ монаховъ отреченія отъ всякой собственности, глубокаго смиренія и полнаго подчиненія настоятелю, непрестанной молитвы и труда. Феодосій строго слѣдилъ за исполненіемъ этого устава и самъ, сдѣлавшись игуменемъ, служилъ во всемъ примѣромъ братіи: носилъ воду, рубилъ дрова, топилъ печи. О смиреніи преподобнаго Феодосія свидѣтельствуеть такой случай:

«Разъ онъ пробылъ у великаго князя до вечера. Князь приказалъ одному изъ своихъ слугъ отвезти его въ обитель; слуга, видя инокъ въ худой одеждѣ, сказалъ ему дорогой: «Вы, чернецы, всегда праздно, а я въ постоянныхъ трудахъ: дай мнѣ отдохнуть въ повозкѣ, а самъ садись на лошадь». Преподобный обмѣнялся мѣстомъ со слугою и цѣлую ночь ѣхалъ верхомъ, то шелъ подлѣ лошади, чтобы не уснуть. Когда стало разсвѣтать, вельможи, ѣхавшіе къ князю, узнавая издали блаженнаго, сходили съ коней и кланялись ему; тогда онъ сказалъ кучеру: «Уже свѣтло, дитя; садись на своего коня». Кучеръ, видя, что всѣ кланяются монаху, испугался, векочилъ и сѣлъ на коня, а преподобный Феодосій сѣлъ въ повозку, и такъ они поѣхали; всѣ встрѣчавшіеся бояре кланялись. Когда уже пріѣхали въ монастырь, и вся братія вышла навстрѣчу и поклонилась ему до земли, слуга узналъ, что смиренный инокъ былъ уважаемый всѣми игуменъ, испугался, но Феодосій успокоилъ его и, наградивъ, отпустилъ домой». Бѣдные, больные и убогіе находили себѣ пооченіе въ стѣнахъ обители. Феодосій былъ защитникомъ притѣвешныхъ и обиженныхъ, съ любовью относился къ преступникамъ. Однажды привели къ нему воровъ, пойманныхъ въ монастырскомъ селѣ. Увидѣвъ ихъ связанными, онъ заплакалъ, велѣлъ развязать, накормилъ ихъ, далъ имъ все нужное и отпустилъ съ миромъ.

Онъ съ твердостью обличалъ незаконные поступки сильныхъ міра сего: не пострашился даже великаго князя Святослава, сына Ярослава. Святославъ не по праву отнялъ у старшаго своего брата Изяслава киевскій престолъ. Великій подвижникъ выступилъ противъ него съ грознымъ словомъ обличенія. Святославъ грозилъ ему заточеніемъ, но

и это не остановило Θεодосія стоять за правду. За свою строгую жизнь и добродѣтель Θεодосій пользовался великимъ почетомъ своихъ современниковъ. Простые и знатные люди шли въ Печерскую обитель, чтобы принять благословеніе святого игумена и послушать его наставленія. Большія пожертвованія притекали на украшенія монастыря. Приступлено было къ постройкѣ каменнаго храма. Обитель процвѣтала. Подъ руководствомъ великихъ подвижниковъ Антонія и Θεодосія въ Печерскомъ монастырѣ воспиталось много достойныхъ учениковъ, которые потомъ положили основанія монастырямъ въ разныхъ концахъ Россіи.

Въ монастыряхъ нуждалась Россія того времени, такъ какъ они являлись главнымъ источникомъ просвѣщенія: грамотными людьми были исключительно духовныя лица и монахи. Много потрудились иноки надъ составленіемъ и переписываніемъ книгъ духовныхъ. Часто можно было видѣть великихъ печерскихъ подвижниковъ, Θεодосія и его друга Никона, за такой работой: Никонъ сшивалъ и переплеталъ рукописи, а Θεодосій сидѣлъ возлѣ него и прядъ нити, необходимыя для этого переплета. Изъ монастырей расходилось по Руси священное писаніе, житія святыхъ, поученія, назидательные сборники, лѣтописи.

Лѣтопись. Въ Печерскомъ монастырѣ получила свое начало лѣтопись.

Лѣтопись — это погодная запись событій. Первымъ нашимъ лѣтописцемъ признается инокъ Кіево-Печерскаго монастыря Несторъ: по его имени и самая лѣтопись зовется лѣтописью Нестора; Несторъ жилъ въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка. Въ своей лѣтописи онъ записывалъ прежде всего то, чему самъ былъ свидѣтелемъ въ жизни, а также и то, что было въ прошедшіе вѣка. Печерскій монастырь въ то время являлся такимъ пунктомъ, который привлекалъ всю тогдашнюю Русь: богатые и бѣдные, знатные и простые, князья, бояре, епископы пріѣзжали въ Кіевъ поклониться праху его умершихъ подвижниковъ и испросить благословеніе у живыхъ. Шелъ ли князь на битву, возвращался ли съ похода — онъ заходилъ съ дружиной въ обитель. Торговые люди по пути въ Царьградъ посѣщали

монастырь. Словомъ, всякая переменна въ русской жизни, всякое новое событіе было извѣстно въ Печерскомъ монастырѣ. Лѣтописецъ прислушивался ко всему, выспрашивалъ отъ старыхъ людей, какъ текла жизнь на Руси въ ихъ время, и все записывалъ въ лѣтописи. Такъ, въ Кіевѣ былъ тысяцкій Янъ. Онъ дожилъ до глубокой старости (умеръ 90 лѣтъ); Янъ хорошо зналъ преподобнаго Θεодосія, былъ его другомъ. Отецъ Яна, Вышата, пользовался большимъ довѣріемъ Ярослава Мудраго, ему поручалъ князь большія дѣла. Конечно, Вышата многое разсказалъ своему сыну. Несторъ же былъ другомъ Яна Вышатича, и отъ него онъ слышалъ «многа словеса», записанныя имъ въ своей лѣтописи. По разсказамъ того же Яна Несторъ написалъ житіе Бориса и Глѣба и преподобнаго Θεодосія.

Лѣтопись написана на древне-церковно-славянскомъ языкѣ. Заглавіе ея таково: «Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Θεодосіева монастыря печерскаго, откуда есть пошла русская земля, и кто въ ней почалъ первѣе княжити, и откуда русская земля стала есть».

Особенно подробно останавливается лѣтописецъ на княженіи Владимира Святого и сына его Ярослава, о которомъ пишетъ: «И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризцѣ, и книгамъ прилежа и почитая е часто въ ноци и въ дне; и собра писцѣ многы, и прекладаше отъ грекъ на словѣньское писмо, и списаша книги многы».

У Нестора явились послѣдователи: по смерти его лѣтопись продолжали и другіе монахи. Лѣтописные списки бережно хранились въ монастырскихъ стѣнахъ и дожили до нашихъ дней.

Большихъ трудовъ стоило сберечь эту драгоценность въ тѣ грозныя времена, когда, какъ ураганъ, налетѣли на нашу родину дикіе азіаты и все мели на своемъ пути. Къ сожалѣнію, до насъ не дошелъ подлинникъ лѣтописи Нестора, она сохранилась въ спискахъ, изъ коихъ древнѣйшій Лаврентьевскій списокъ, написанный въ 1377 году монахомъ Лаврентіемъ.